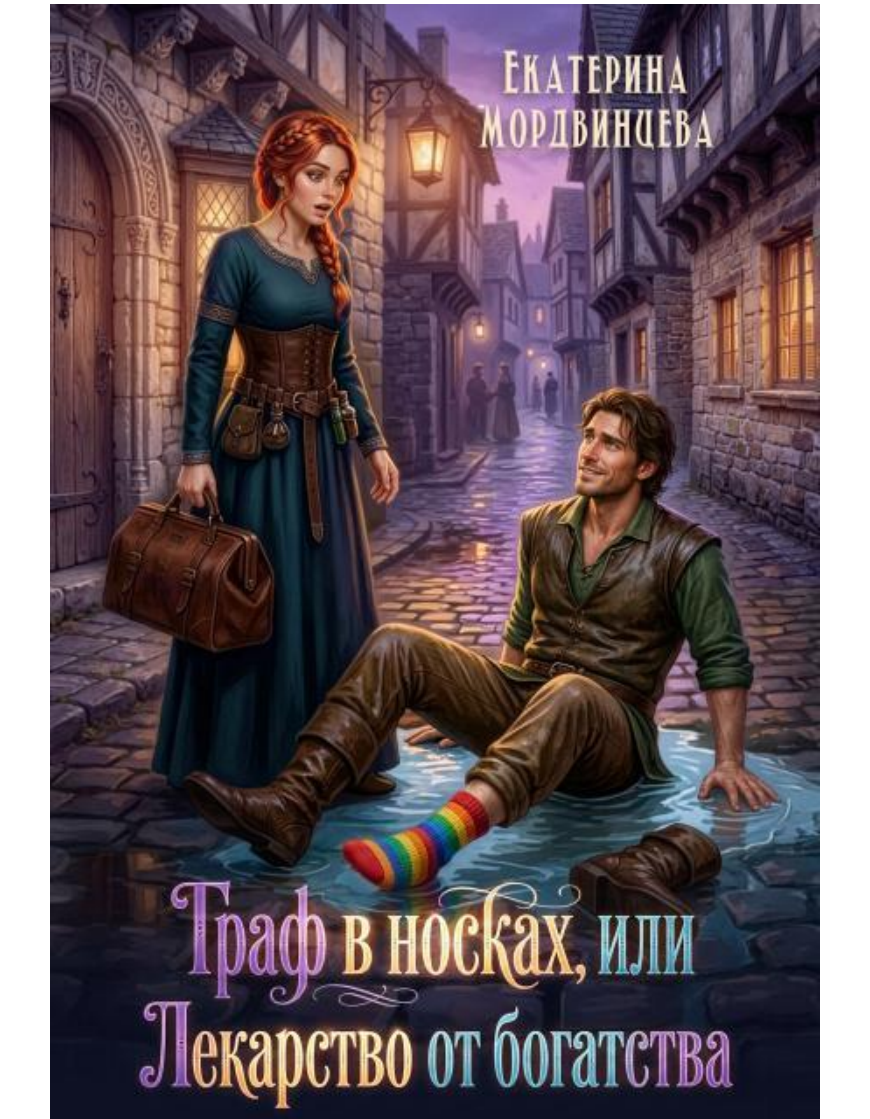

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

Граф в носках, или
Лекарство от богатства

Екатерина Мордвинцева Граф в носках, или Лекарство от богатства

<https://litres.ru/74211557>

Аннотация

Меня зовут Лилиана, я — помощница лекаря. Я не верю в сказки и не жду принцев.

Но однажды ночью в мою дверь постучали. На пороге стоял перепуганный парень с бесчувственным другом на плече. У того была пробита голова, на ногах — дурацкие носки, а в кармане — три медяка. Я спасла ему жизнь, не взяв ни монеты.

Я думала, что больше никогда его не увижу.

Но он вернулся...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	54
Глава 6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1

— Ты похож на пугало, у которого случился нервный срыв, — сообщил Теодор, критически оглядывая друга с ног до головы. — Нет, пожалуй, я погорячился. Пугало выглядит более респектабельно. У пугала хотя бы шляпа держится прямо.

Граф Аластэр Эдгар Вальмонт де Рошфор, наследник одного из богатейших графств северного тракта, обладатель фамильного замка с двенадцатью башнями и коллекции магических артефактов, которую можно было продать и купить небольшое королевство, стоял посреди своих личных покоев и пытался унять дрожь в руках. Он смотрел на себя в огромное зеркало в позолоченной раме и не узнавал собственного отражения.

Дрожь была вызвана не страхом и не холодом. Дрожь была вызвана рубахой, которую он на себя напялил.

— Она кусается! — пожаловался Аластэр, дергая плечом и пытаясь нащупать источник дискомфорта. — Эта ткань... она же деревянная? У неё есть зубы? Мне кажется, она пытается меня съесть!

— Это холстина, друг мой, — наставительно произнес Теодор, с видом знатока развалившись в кресле, обтянутом бархатом. Он уже полностью облачился в «народный» костюм и чувствовал себя в нём на удивление комфортно. —

Из неё крестьяне штаны шьют. И рубахи. И мешки для картошки, кажется, тоже. Выглядит аутентично, правда? Между прочим, я специально ездил на рынок, чтобы купить эту ткань. Пришлось объяснять продавцу, зачем лорду холстина. Сказал, что буду подтирать полы в конюшне, чтобы прочувствовать быт простых людей.

— И он поверил?

— Он решил, что я окончательно рехнулся. Но деньги взял. Куда он денется.

Аластэр снова покосился на себя в зеркало. Из дорогой рамы в позолоте на него смотрел оборванец с благородной осанкой и совершенно потерянным выражением лица. Рубаха мешком висела на плечах, штаны были подвязаны обычной веревкой (потому что ремень, как выяснилось, у простых людей тоже должен быть простым, а простого ремня в гардеробе графа не нашлось — все ремни были расшиты золотом или серебром, а один так вообще инкрустирован драгоценными камнями), а сапоги...

— Тэд, — голос Аластэра дрогнул, — почему мои сапоги выглядят так, будто их жевала корова, а потом выплюнула, потом снова жевала, и снова выплюнула, а потом по ним прошёлся пьяный трактирщик?

— Потому что я их час песком натирал! — гордо объявил Теодор, вскакивая с кресла и подходя к другу, чтобы полюбоваться делом своих рук. — И водой поливал. А потом сушил у камина, чтобы кожа потрескалась. А потом ещё

раз песком! Я, знаешь ли, выложился по полной. Даже ногти сломал. Гламурненько, правда? Смотри, какие потёртости! Какая благородная старость!

— Это не гламурненько, это... — Аластэр замялся, подбирая цензурное выражение. — Это катастрофа. Мои сапоги стоят больше, чем годовой доход этой деревни, в которую мы едем! Если бы моя мать увидела, что я с ними сделал, она бы вычеркнула меня из завещания. Она бы усыновила эти сапоги и оставила всё им!

— Вот именно! Поэтому мы их и состарили, — Тэд хлопнул друга по плечу, стараясь не рассмеяться при виде его страдальческого выражения лица. — Ни один уважающий себя разбойник не позарится на такую обувь. Скорее уж подаст милостыню, глядя на такое убожество. А если и позарится, то из жалости — пристрелит, чтобы не мучился.

Аластэр вздохнул и отошёл от зеркала. Идея отправиться в соседний город инкогнито принадлежала ему. После двадцати шести лет жизни в золотой клетке, после бесчисленных уроков этикета, танцев, фехтования, истории, географии, магии и боги знают чего ещё, ему вдруг отчаянно захотелось узнать, как живут те самые люди, которыми он, по идее, должен будет управлять.

Философский интерес, так сказать. Погружение в народные массы. Эмпатия к простому люду.

Вчера вечером, сидя у камина с бокалом выдержанного вина, он прочитал трактат «О единении правителя с наро-

дом» и проникся. Ему казалось, что стоит ему надеть простую одежду, выйти в город, поговорить с крестьянами о насущном, и он сразу же станет мудрым, справедливым и невероятно популярным правителем.

Теодор же, его лучший друг и по совместительству лорд без особых занятий, ухватился за эту идею по другой причине. Теодору было скучно. Теодору надоели балы, приёмы и бесконечные разговоры о политике. Теодор хотел приключений. Теодор надеялся, что в простом народе его ждут драки, пьянки и, возможно, опасные знакомства с мужьями местных красавиц.

— Слушай, — Аластэр повертел в руках веревку, которой были подвязаны штаны, — а это не развяжется? Я чувствую себя крайне ненадёжно.

— Развяжется — подвяжешь снова. Это развивает мелкую моторику, — Тэд хлопнул в ладоши, давая понять, что сборы окончены. — Так, дай угадаю. Ты взял с собой денег?

— Разумеется, — Аластэр похлопал себя по поясу и нащупал увесистый кошель. Он специально положил его побольше, чтобы хватило на все нужды. — Золотые. На всякий случай.

— Золотые?! — Теодор закатил глаза к потолку, расписанному сценами охоты, где обнажённые нимфы убегали от сатиров. — Аластэр, дружище, ты собираешься расплачиваться золотом за кружку кислого эля в трактире «Три хромых гуся»? Тебя либо убьют сразу, либо сдадут городской

страже как подозрительного типа, сбежавшего из дворца. А скорее всего — сначала убьют, а потом сдадут страже, чтобы труп опознали.

— А что нужно брать? — искренне удивился Аластэр. В его мире существовали кредитные письма, счета и казначеи, которые решали все финансовые вопросы. Сами деньги он видел редко, в основном как часть интерьера.

— Медяки. Самые мелкие, какие найдешь. И серебро, но чуть-чуть. И не блестящее, а потёртое, чтобы не вызывало подозрений. Сейчас я у своего камердинера стрельну. Он у меня мужик запасливый, у него в заначке всякого добра полно.

Теодор вышел в коридор и через минуту вернулся с торжествующим видом и горстью мелочи.

— Держи. Тут на неделю скромной жизни хватит. Если не шиковать. И не покупать золотых сапог.

Через десять минут напряженных поисков «мелочи для нищевродов» (как это назвал Тэд), друзья были экипированы. На поясе у Аластэра висело целых три медяка и одно серебро с погнутым краем, которое Тэд одолжил у конюха. Золотой кошель пришлось спрятать в тайный карман, который специально для таких случаев был пришит к подкладке.

— Идем пешком? — с надеждой спросил Аластэр, вспоминая о мозолях, которые, по слухам, появляются у тех, кто много ходит. Он, конечно, занимался фехтованием и верховой ездой, но пешие прогулки на дальние расстояния не вхо-

дили в программу воспитания наследника.

— Ты с ума сошел? — Тэд посмотрел на друга как на ума-лишённого. — Пешком до города — полдня топать. По грязи, по колдобинам, мимо полей, где пахнет так, что глаза слезятся. Найдем телегу.

— Телегу? — голос Аластэра дрогнул. Он представлял себе телеги как нечто деревянное, скрипучее и предназначенное для перевозки сена или, того хуже, свиней.

— Самую простую. С сеном. Будешь сидеть и жевать травинку. Философствовать с возницей о видах на урожай. Лепота! Представляешь, как это аутентично?

— А почему мы не можем взять экипаж? — робко поинтересовался Аластэр. — Самый простой. Без гербов.

— Потому что в экипаже ездят господа, — терпеливо объяснил Тэд, как маленькому. — А мы теперь не господа. Мы простые парни, которые ищут счастья в городе. У простых парней нет экипажей. У простых парней есть ноги или, в лучшем случае, телега.

Аластэр вздохнул ещё раз. Этот вздох начинал входить у него в привычку.

Телега, которую они наняли у околицы, оказалась именно такой, как описывал Тэд: деревянной, скрипучей и наполненной остатками сена, которые щекотали шею и норовили заползти за шиворот. Но были и детали, о которых Тэд умолчал. Например, запах. Это был сложный, многослойный аромат, в котором смешивались ноты старого сена, лошадиного

пота, навоза, прелой соломы и чего-то ещё, кислого и неуловимого.

— Чем это пахнет? — шепотом спросил Аластэр, когда они устроились на сене.

— Жизнью, — философски заметил Тэд. — Настоящей, непричесанной жизнью. Нюхай и запоминай.

Возница, дед с лицом, изрезанным морщинами как старая карта, подозрительно косился на странную парочку. Он был одет ещё проще, чем они, и явно не понимал, почему два здоровых лба не могут дойти до города пешком, а нанимают телегу.

— Вы, ребятки, чьи будете? — прокряхтел он, когда телега тронулась и закрипела всеми своими сочленениями.

— Местные мы, — бодро соврал Тэд. — В город на ярмарку едем, товар продавать.

— А товар где? — дед прищурился, сверля Тэда взглядом. Тэд замялся. Аластэр пришел на помощь, удивляясь собственной находчивости:

— Денег нет на товар. Едем прицениться. Узнать, что нынче в цене. Может, наймемся к кому в работники, подкопим и тогда уж закупимся.

Дед хмыкнул, но расспросы прекратил. Видимо, объяснение показалось ему достаточно правдоподобным.

Телега тащилась по пыльной дороге, объезжая колдобины и лужи. Аластэр с удивлением понял, что ему нравится это ощущение. Ветер в лицо, солнце, запах травы (навоз он ре-

шил временно игнорировать), и полная, абсолютная свобода от этикета, приличий и необходимости следить за каждым своим словом.

Он откинулся на сено, заложил руки за голову и посмотрел на небо. Облака плыли медленно и важно, как советники на королевском совете. Где-то вдалеке пела птица. Ей вторила другая, и у них получался незатейливый, но приятный дуэт.

— Тэд, — мечтательно произнес Аластэр, — а знаешь, я, кажется, понимаю, почему простые люди выглядят такими счастливыми.

— Потому что им не нужно ходить на балы к герцогине фон Штайниц? — уточнил Тэд, жуя травинку. — Между прочим, она до сих пор обижается, что ты не пригласил её на танец в прошлую пятницу.

— Потому что у них есть это, — Аластэр широким жестом обвел окружающий пейзаж. — Небо, солнце, свобода. Никаких приёмов, никаких обязательств, никакой необходимости улыбаться тем, кого терпеть не можешь.

— Ага, — Тэд хмыкнул. — И никаких денег, никакой нормальной еды, никаких врачей, если заболеешь. И работа с утра до ночи, чтобы эту еду заработать. Идеальная жизнь.

— Ты всегда всё портишь своим реализмом, — обиделся Аластэр.

— Я не порчу, я отрезвляю. Ты бы ещё с крестьянами поговорил, узнал, как они радуются жизни, когда неурожай или

налоги повышают. Кстати, налоги повышаешь твой папаша, между прочим.

Аластэр помрачнел. Это была правда, и она была неприятной. Его отец, граф Вальмонт, был человеком старых взглядов и считал, что налоги нужно повышать регулярно, потому что «народ должен чувствовать руку власти».

— Вот поэтому я и хочу поговорить с ними, — твердо сказал Аластэр. — Чтобы понять, что они чувствуют на самом деле. Чтобы стать лучше.

— Ну-ну, — Тэд скептически покачал головой. — Только давай договоримся: никакой философии, пока мы не выпьем хотя бы по кружке эля. На голодный желудок твои идеи становятся слишком возвышенными.

Телега тем временем миновала придорожный трактир, и Тэд оживился.

— Смотри! — он толкнул Аластэра в бок, чуть не сбросив того с сена. — «Три хромых гуся»! Я слышал, там по пятницам такие драки бывают! Столы летают, как осенние листья! Мужики друг другу морды бьют, а потом мирятся и пьют на брудершафт! Говорят, один раз трактирщик вызывал стражу, так стража тоже подралась, и её пришлось увести силой!

— Мы едем за впечатлениями, а не за сотрясением мозга, — назидательно заметил Аластэр, но в глубине души ему стало любопытно. Драк на балах не случалось. Максимум — словесные перепалки, да и те быстро пресекались распоря-

дителями.

— Это одно и то же! — горячо возразил Тэд. — Что может быть впечатляющее хорошей драки? Ты только представь: мы сидим, пьем эль, и тут — бах! — кому-то кружкой по голове! А потом второй заступается! А третий лезет разнимать и тоже получает! Красота!

— Ты ненормальный, — констатировал Аластэр.

— Я нормальный. Это ты у нас зануда.

Телега въехала в город, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в оранжево-розовые тона. Аластэр с интересом рассматривал дома, лавки, вывески, суетящихся людей. Мир оказался куда более шумным, грязным и... живым, чем он себе представлял по книгам и рассказам.

Кто-то с кем-то ругался, размахивая руками и брызгая слюной. Кто-то продавал рыбу, которая пахла так, что щипало глаза и хотелось немедленно уйти. Чья-то лошадь нагадила прямо посреди улицы, и никто не спешил это убирать — прохожие просто обходили кучу, даже не меняясь в лице. Какая-то женщина вылила помой из окна прямо на мостовую, и никто не возмутился.

Двое мужиков тащили огромную бочку, матерясь так изошренно, что Аластэр, знавший три языка, покраснел. Трое ребятишек гоняли курицу, которая отчаянно кудахтала и пыталась взлететь. Курица не умела летать.

— Красота, — прошептал Аластэр. — Какая же это всё-таки красота.

— Что, вон та куча? — уточнил Тэд, кивая на лошадиное «наследие».

— Жизнь, Тэд. Это жизнь. Не вылизанная, не причесанная. Настоящая. В ней есть всё: и грязь, и крики, и этот запах, и эти люди. Они не играют ролей. Они просто живут.

— Ага, — согласился друг, прыгивая с телеги и расплачиваясь с возницей тем самым погнутым серебром. — Настоящая жизнь пахнет именно так. Дерьмом, рыбой и потом. Ладно, граф... то есть, Аластэр. Куда теперь? Философствовать или все-таки заглянем в «Трех хромых гусей»?

Аластэр прыгнул следом, едва не потеряв равновесие — ноги после долгого сидения затекли, а земля оказалась ближе, чем он ожидал. Он удержался, схватившись за борт телеги, и отряхнул с себя сено.

— А что там с элями? — спросил он, вспоминая слова Тэда о трактире.

— Говорят, там сегодня подают эль, в котором можно утопить кошку, — с воодушевлением начал перечислять Тэд. — И пироги с такой начинкой, что мужики спорят, мясо это или так, пробежало мимо. И хозяин — бывший разбойник, у него вместо пальца на левой руке — крюк. Настоящий крюк! Представляешь, как он этим крюком кружки подает?

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я готовился! Пока ты читал свои умные книжки, я общался с людьми. Между прочим, полезные знакомства. Коных моего отца родом из этих мест. Он мне всю подногот-

ную рассказал.

Аластэр улыбнулся. Впервые за долгое время — искренне и широко.

— А почему бы и нет? Веди, друг. Погружаемся в народные массы.

Они зашагали по мостовой, лавируя между прохожими, лужами и теми самыми «сюрпризами», которые оставляли после себя лошади. Аластэр ловил на себе любопытные взгляды — видимо, его благородная осанка всё равно выдавала, несмотря на дурацкую одежду. Но никто не приставал, не кланялся, не пытался поцеловать руку. Это было непривычно и... приятно.

— Эй, берегись! — крикнул кто-то, и Аластэр едва увернулся от телеги, груженной бочками. Возница погрозил ему кнутом и выругался.

— Надо смотреть по сторонам, — наставительно заметил Тэд. — В городе свои правила. Здесь никто не уступает дорогу графам, потому что графов здесь не бывает.

— Я запомню, — кивнул Аластэр, чувствуя, как адреналин щекочет нервы. Это было... захватывающе. Опасность, пусть и такая мелкая, будоражила кровь.

Впереди показалась вывеска с тремя хромыми гусями, нарисованными настолько криво, что птицы больше напоминали уродливых уток. Вывеска скрипела на ветру, и создавалось полное впечатление, что гуси действительно хромают — качаясь из стороны в сторону.

— Ну что, — Тэд потер руки, — войдем?

— А нас не убьют?

— Не должны. Мы же с деньгами. А если и убьют, то не сразу. Сначала напоят.

Аластэр глубоко вздохнул, поправил веревку на штанах и шагнул внутрь.

Они и не подозревали, что народные массы совсем скоро погрузят их в гораздо более тесное общение с местной почвой, чем они рассчитывали. И что где-то в этом городе, в скромном домике на окраине, девушка с холодными глазами и теплыми руками уже заваривает ромашку, даже не зная, что совсем скоро ей придется штопать кое-кого из этих двух наивных простофиль.

Глава 2

Трактир «Три хромых гуся» встретил наших героев таким букетом ароматов, что Аластэр на мгновение пожалел о своём решении познавать народную жизнь. Запах кислого эля смешивался с запахом пота, жареного лука, прокопчённого мяса и ещё чего-то неуловимого, но крайне подозрительного.

— Дыши глубже, — шепнул Тэд, подталкивая друга к стойке. — Привыкнешь.

— Я сейчас потеряю сознание, — честно признался Аластэр.

— Только попробуй. Я не потащу тебя обратно.

Внутри трактир оказался именно таким, каким его описывал Тэд: низкие потолки, закопчённые балки, грубые деревянные столы, залитые чем-то липким, и публика, при взгляде на которую хотелось немедленно проверить, на месте ли кошель.

За стойкой возвышался хозяин — мужчина необъятных размеров с косматой бородой и совершенно пугающим взглядом. Левую руку он держал под стойкой, но Аластэр готов был поклясться, что там действительно поблёскивает металл.

— Чего надо? — рывкнул хозяин, окидывая их подозрительным взглядом.

— Эля, — бодро ответил Тэд, выкладывая на стойку два

медяка. — Самого лучшего. И покрепче.

Хозяин хмыкнул, сгрёб монеты и через минуту поставил перед ними две огромные кружки, доверху наполненные мутноватой жидкостью.

Аластэр осторожно понюхал содержимое и едва не задохнулся.

— Этим можно чистить доспехи, — прохрипел он.

— Пей давай, — Тэд уже сделал большой глоток и довольно крякнул. — Для первого раза сойдёт. Организм должен привыкать к нагрузкам.

Аластэр сделал глоток. Напиток обжёг горло, прокатился вниз огненным шаром и остановился где-то в районе желудка, где начал требовать продолжения банкета.

— Ничего так, — удивился Аластэр. — Ощущение, будто я проглотил наждачную бумагу.

— Значит, качественный эль, — удовлетворённо кивнул Тэд. — Смотри, вон там, в углу, сидят подозрительные личности. Как думаешь, они разбойники?

Аластэр покосился в указанном направлении. За дальним столом расположились трое мужчин с такими физиономиями, что с них можно было писать портреты для галереи «Осторожно, преступники». У одного через лоб тянулся багровый шрам, второй постоянно озирался по сторонам, а третий, самый крупный, задумчиво точил нож о край стола.

— Я думаю, нам стоит допить и уйти, — осторожно предложил Аластэр. — Пока они не решили познакомиться по-

ближе.

— Трусись? — подначил Тэд. — А как же единение с народом? Это же самые настоящие народные элементы! Давай подсядем к ним, поговорим о жизни.

— Тэд, я тебя умоляю, давай без героизма.

— Ладно-ладно, — сдался Тэд, но в глазах его горел азарт. — Но если они начнут драку, я лезу первый.

— Спорить не буду.

Они допили эль (Аластэр справился с трудом, но осилил всю кружку) и вышли на улицу, когда уже совсем стемнело. Город погрузился во тьму — никаких магических светильников здесь, разумеется, не было, только редкие масляные фонари у богатых домов да луна, которая сегодня решила поиграть в прятки с облаками.

— Куда теперь? — спросил Аластэр, с трудом различая дорогу.

— Надо найти ночлег. Говорят, на окраине есть дешёвый постоялый двор. Пойдём через лес, так короче.

— Через лес? Ночью? — голос Аластэра дрогнул.

— Не бойся, тут дорога проезжая, разбойников давно перевешали. Местный лорд за порядком следит.

Аластэр очень хотел спросить, кто именно этот местный лорд, но потом вспомнил, что это, кажется, один из его дальних родственников, и предпочёл промолчать.

Они углубились в лес. Дорога и правда была достаточно широкой, но тьма сгушалась с каждой минутой. Где-то ухала

сова, в кустах шуршало, и Аластэр то и дело вздрагивал от каждого звука.

— Тэд, — прошептал он, — тебе не кажется, что за нами следят?

— Кажется, — спокойно ответил Тэд. — Вон там, за теми кустами, кто-то есть. Я слышу дыхание.

— И ты молчал?!

— А что я должен был сделать? Закричать? Бежать? Мы же мужчины, Аластэр. Надо встречать опасность лицом к лицу.

— Я встречаю её всем телом, и мне это не нравится!

Из кустов действительно вышли люди. Четверо. С дубинами, ножами и весьма недобрыми намерениями.

— Стоять! — рявкнул здоровяк с бородой, в которой запутались листья. — Кошельки на бочку, и разойдёмся по хорошему.

Аластэр замер. В голове пронеслись все уроки фехтования, которые ему давали лучшие мастера королевства. Он вспомнил стойку, выпад, защиту, контратаку. Он вспомнил, как на тренировках легко управлялся с тремя противниками сразу.

Рука сама потянулась к поясу, где обычно висела шпага. Шпаги не было.

Он же переоделся в «простое». Шпага осталась в замке. С ним был только маленький кинжал, который он сунул за голенище на всякий случай.

— Ну? — поторопил второй разбойник, щербатый и кри-
вой на один глаз. — Долго ждать? Давай сюда свои богатства,
пока цел.

Тэд, надо отдать ему должное, не растерялся. Он поднял
руки и миролюбиво произнёс:

— Ребята, вы ошиблись адресом. Мы такие же бедные,
как и вы. Идём в город работу искать.

— Ага, щас, — хмыкнул третий, тощий и длинный, как
жердь. — По розам видно, что не бедные. Морды холеные,
руки белые. Давай, выворачивай карманы.

Аластэр понял, что настал момент истины. Он должен за-
щитить себя и друга. Он должен применить все те навыки,
которым его обучали годами.

Он резко присел, выбрасывая ногу вперёд, чтобы подсечь
ближайшего противника, как учил мастер Валленштейн на
занятии по боевому фехтованию.

Нога наткнулась на корягу.

Огромную, корявую, предательскую корягу, которую ноч-
ная тьма скрыла от его глаз.

Аластэр описал в воздухе красивую дугу и плашмя рухнул
на землю, выбив из лёгких весь воздух.

— Охренеть, — прокомментировал щербатый. — Вы это
видели? Прямо цирк!

— Вставай, грамотей, — буркнул бородатый, подходя
к распластанному Аластэру. — Хватит тут представления
устраивать.

Тэд бросился было на помощь, но тощий ловко ткнул его дубиной в живот, и лорд Теодор сложился пополам, тихо матерясь.

Обыск занял не больше минуты. Результаты его повергли разбойников в глубокое недоумение.

— Шеф, — позвал четвёртый, молчаливый до этого момента, — я тут это... нашёл только три медяка и серебро какое-то погнутое.

— Чего? — бородатый выхватил у подчинённого добычу и уставился на неё, как на чудо света. — Три медяка? На двоих?

— Ага, — подтвердил щербатый, обшарив Тэда. — У этого тоже пусто. Ну, почти пусто. Два медяка и носовой платок с вышивкой.

— С лебедями, — просипел Тэд, пытаясь разогнуться. — Матушка вышивала. Дорог как память.

Бородатый переводил взгляд с медяков на распростёртых горе-путешественников и обратно. На лице его читалась глубокая душевная борьба.

— То есть, — медленно проговорил он, — мы тут в лесу полночи караулили, замёрзли как псы, рискуем жизнью, чтобы поймать этих голодранцев, а у них даже на нормальный обед не хватит?!

— Выходит, что так, — виновато подтвердил тощий.

— Это какой-то позор, — бородатый пнул ближайшее дерево, и с него посыпались листья. — Мы что, похожи на ни-

щербодов, которые на медяки охотятся? Мы серьёзные люди! У нас репутация!

— Шеф, может, их того? — щербатый выразительно провёл пальцем по горлу.

— За что? За три медяка? Да наши имена тогда по всему тракту ославят! Скажут, «банда Косого» на медяки позарилась, безоружных бедняков порешила. Нет, так не пойдёт.

Бородатый, которого, судя по всему, звали Косым, подошёл к Аластэру, который всё ещё пытался принять вертикальное положение и потирал ушибленную коленку.

— Слушай сюда, убогий. Ты нас подвёл. Мы настраивались на добычу, готовились, репетировали. А ты явился с тремя медяками? Это неуважение, понимаешь? Это плевков в душу!

— Простите, — пискнул Аластэр, чувствуя себя полным идиотом. — Мы действительно... небогаты. Ищем работу.

— Ищете они работу, — передразнил Косой. — По ро-
жам видно, что вы работать не умеете. Вон, руки белые, нежные. Ладно, ребята, — обернулся он к своим, — надо этих обормотов проучить, чтоб неповадно было по лесу ночью шастать, честных разбойников без добычи оставлять.

— А что сделаем? — оживился тощий.

Косой окинул Аластэра оценивающим взглядом и остановился на его ногах.

— Сапоги у него хорошие. Для бродяги слишком хорошие. Снимай!

— Что?! — Аластэр попытался отползти, но щербатый и молчаливый уже подскочили к нему и принялись стягивать сапоги.

— Не брыкайся! — прикрикнул щербатый. — Целее будешь!

Сапоги сняли с каким-то даже остервенением. Аластэр остался в одних носках на холодной земле и смотрел на свои ноги с непередаваемым ужасом. Носки, кстати, тоже были не абы какие — тончайшей шерсти, ручной работы. Но их хотя бы не тронули.

— Сапоги знатные, — довольно кивнул Косой, рассматривая трофей. — Дорогие. Перешьём на свой лад, и будут как новые. Это хоть какая-то компенсация за моральный ущерб.

— Шеф, а с этими что? — спросил тощий, кивая на Тэда, который всё ещё держался за живот.

— А у этого сапоги хуже, — критически заметил Косой, глядя на обувь Теодора. — И носки дурацкие, в полоску. Не бери в голову, парень. Носи пока.

— Спасибо и на этом, — просипел Тэд.

— Но просто так отпустить их нельзя, — задумчиво протянул Косой. — Надо, чтобы запомнили. Чтобы другим рассказывали, какие мы грозные. Ваня, неси-ка дубину.

Молчаливый, которого, оказывается, звали Ваней, послушно подошёл с дубиной наперевес.

— Только не убивай, — попросил Косой. — Так, слегка, воспитательно.

Ваня кивнул, подошёл к Аластэру, который всё ещё сидел на земле в одних носках, пытаюсь осмыслить происходящее, и со всей дури огрел его дубиной по голове.

В голове у Аластэра вспыхнул фейерверк, потом наступила темнота, и он мягко завалился на бок, даже не успев подумать о том, как нелепо выглядит вся эта ситуация.

— Эй! — закричал Тэд, бросаясь к другу. — Вы что, с ума сошли?! Он же граф!

Повисла звенящая тишина.

— Кто? — переспросил Косой, медленно поворачиваясь к Тэду.

— Граф, — выдохнул Тэд, понимая, что сболтнул лишнего, но остановиться уже не мог. — Наследник графства Вальмонт. Аластэр Эдгар Вальмонт де Рошфор. Если он умрёт, вас всех четвертуют, повесят, а потом снова четвертуют, для надёжности!

Разбойники переглянулись.

— Ваня, — медленно проговорил Косой, — ты зачем графа дубиной огрел?

Ваня пожал плечами и виновато посмотрел на дубину.

— Я же сказал — слегка, воспитательно, а не насмерть! — взорвался Косой. — Ты что, не видишь — перед тобой голубая кровь, а ты её своей дубиной!

— Шеф, он сам виноват, — вступился за Ваню щербатый. — Сказал бы сразу, что граф, мы бы и не тронули. А то прикидываются бедными, медяки носят, позорят наше ремесло.

— Ладно, — Косой махнул рукой, но было видно, что он взволнован. — Валить надо. Быстро. Пока очухается.

— А этот? — тощий кивнул на Тэда.

— Этого тоже оставьте. Пусть дружка своего лечит. И запомните, — Косой грозно посмотрел на своих людей, — мы сегодня никого не видели. Мы вообще в другом месте были. Мы рыбу ловили. Понятно?

Разбойники закивали и быстро растворились в темноте, прихватив сапоги Аластэра и три с половиной медяка.

Тэд остался один на пустынной дороге рядом с бесчувственным телом лучшего друга. Луна наконец-то выглянула из-за туч и осветила эту душераздирающую картину: граф Вальмонт, наследник древнего рода, лежит в пыли в одних носках, из головы сочится кровь, а вокруг — ни души.

— Аластэр, — позвал Тэд, осторожно тряся друга за плечо. — Аластэр, очнись. Ну пожалуйста. Если ты умрёшь, твоя мать меня точно убьёт. Она страшнее любого разбойника.

Аластэр не отвечал. Только тихо постанывал и бормотал что-то нечленораздельное про фехтовальные приёмы и коварные коряги.

Тэд огляделся по сторонам. Вдалеке, на окраине города, мерцали редкие огоньки. Где-то там были люди. Где-то там была помощь.

— Ладно, дружище, — Тэд подхватил Аластэра под мышки и потащил в сторону огня. — Потерпи. Сейчас мы тебя

вылечим. Главное, не умирай, а то мне придётся объяснять твоей маменьке, почему я привёз обратно только твои носки. А они, между прочим, в полосочку. Не по-графски это как-то.

Он тащил друга, проклиная всё на свете — коряги, разбойников, собственную идею с телегой, эль в «Трёх хромых гусях» и свою дурацкую привычку ввязываться в приключения. Аластэр мотался у него на плече, как куль с мукой, и что-то бормотал про сапоги, которым теперь предстояла новая жизнь в разбойничьей среде.

Впереди показался домик с тусклым огоньком в окне. Над дверью висела вывеска, на которой было написано что-то про лекарственные травы.

— О, лекарь, — выдохнул Тэд, прибавляя шаг. — Слава богам, лекарь. Сейчас, Аластэр, потерпи немного. Сейчас тебя заштопают, и будешь как новенький. Может быть, даже умнее, чем был. Хотя вряд ли, после такого удара по голове.

Он подтащил друга к двери и свободной рукой забарабанил в деревянную створку.

— Открывайте! — заорал он. — Помогите! Человек умирает! Точнее, граф! Но это не важно! Важно, что он умирает! А если не умирает, то скоро умрёт, если вы не откроете!

За дверью послышались шаги, и через мгновение створка распахнулась, являя миру девушку с холодными глазами и тёплым светильником в руке.

Она окинула взглядом странную пару: одного — в доро-

гой, хоть и простой одежде, с перекошенным от ужаса лицом, и второго — в одних носках, с окровавленной головой и блаженной улыбкой на лице.

— Что случилось? — спросила она таким тоном, будто каждый день к ней притаскивали полумёртвых графов в носках.

— Разбойники, — выдохнул Тэд. — Ограбили, ударили по голове. Помогите, умоляю. Я заплачу. У меня есть... — он зашарил по карманам и вытащил тот самый носовой платок с лебедями. — Вот. Матушка вышивала. Дорого как память. И ещё два медяка где-то были...

— Уберите платок, — сухо сказала девушка, отступая в сторону и пропуская их внутрь. — И заходите уже. Нечего порог топтать.

Тэд втащил Аластэра в дом и бережно уложил его на лавку у стены. Девушка уже деловито разжигала дополнительные светильники, доставала чистые тряпки, какие-то склянки и странно пахнущие пучки трав.

— Как его зовут? — спросила она, склоняясь над пациентом.

— Аластэр, — ответил Тэд. — А меня Тэд. Мы... мы путешественники. Простые. Бедные. Очень бедные.

— Вижу, — девушка бросила взгляд на носки Аластэра. — По носкам видно. Такие в нашей деревне не носят. Ладно, не мешайте.

Она принялась обрабатывать рану, и Тэд с удивлением за-

метил, что руки у неё, несмотря на кажущуюся суровость, очень нежные и аккуратные. Она работала молча, сосредоточенно, и через несколько минут голова Аластэра была аккуратно замотана бинтами, а сам он задышал ровнее и спокойнее.

— Жить будет, — коротко сказала девушка. — Крепкий череп. Повезло, что не проломила ему башку ваша дубина.

— Не моя, — виновато отозвался Тэд. — Разбойничья.

— Разница невелика. Оставьте его здесь до утра. Утром заберёте. И чтобы без глупостей.

Тэд хотел возразить, что он вообще-то лорд и с ним надо разговаривать повежливее, но посмотрел на девушку и почему-то передумал.

— Спасибо, — только и сказал он. — Вы... вы спасли ему жизнь. Я этого не забуду.

— Забудете, — отрезала девушка, отворачиваясь. — Все забывают. Ложитесь вон там, на полу. Подстилка есть. И чтоб тихо.

Тэд послушно устроился на подстилке, глядя на друга, который мирно посапывал на лавке с перевязанной головой. В голове у Тэда крутилась только одна мысль: «Ну и приключение! Матушка будет в ужасе, когда узнает. Если узнает. А она обязательно узнает, потому что у неё везде шпионы. Особенно там, где я попадаю в неприятности».

Аластэру снились сапоги. Они плясали вокруг него и дразнились, а он пытался их поймать, но постоянно споты-

кался о коряги, которые вырастали из-под земли прямо у него на пути.

И где-то глубоко в подсознании билась мысль: «Кто эта девушка? Почему у неё такие холодные глаза? И почему, когда она коснулась моей головы, мне стало так тепло?»

Но ответов на эти вопросы у него пока не было.

Глава 3

Домик, в который Тэд втащил бесчувственного друга, оказался именно таким, какими Тэд представлял себе жилища простых людей: маленьким, скромным, но удивительно уютным. Пока девушка возилась со светильниками, он успел разглядеть обстановку.

В центре комнаты стоял добротный деревянный стол, заваленный пучками сушёных трав, которые источали терпкий, чуть горьковатый аромат. Вдоль стен тянулись полки с глиняными горшочками и стеклянными банками, в которых плавало что-то подозрительное, напоминающее то ли лекарства, то ли заготовки для ведьминского зелья. В углу тикали напольные часы с потрескавшимся циферблатом, а на подоконнике красовался чахлый цветок в горшке, который, судя по виду, поливали по великим праздникам.

Сама девушка, склонившаяся сейчас над Аластэром, выглядела... Тэд замаялся, подбирая определение. Красивой? Пожалуй. Но красота её была какая-то холодная, отстранённая, словно она специально держала всех на расстоянии вытянутой руки. Тёмные волосы собраны в строгий пучок, ни одной выбившейся пряди. Платье простое, тёмно-синее, без единого украшения. И глаза — серые, прозрачные, смотрели на мир с лёгким прищуром, будто девушка постоянно оценивала окружающих на предмет вреда и пользы.

— Так, — сказала она, закончив осмотр, — сотрясение есть. Это точно. Рана неглубокая, но грязная. Придётся зашивать.

— Зашивать? — пискнул Тэд, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. — Как штаны?

— Как штаны, — подтвердила девушка, даже не улыбнувшись. — Только штанам больно не бывает. А ему будет. Хотя, судя по толщине черепа, он много чего выдержит.

Она ловко достала с полки большую банку с мутноватой жидкостью, от которой разило спиртом так, что у Тэда зашипало в носу даже на расстоянии.

— Что это? — поинтересовался он, наблюдая, как девушка смачивает в жидкости чистую тряпицу.

— Настойка на корешках. Для дезинфекции. Будет щипать.

— А обезболивающее у вас есть?

— Есть, — девушка кивнула на другую банку, где плавал какой-то корень. — Но оно дорогое. Вы же бедные, как я поняла.

Тэд открыл рот, чтобы возразить, чтобы сказать, что они вовсе не бедные, что перед ней лежит наследник графства Вальмонт, и за лечение будут уплачены любые деньги, любые, самые баснословные суммы, и если она немедленно не применит всё лучшее, что у неё есть, то...

Девушка подняла на него глаза. Всего лишь подняла глаза, но Тэд почему-то передумал возражать.

— Я поняла, — сказала она таким тоном, каким обычно разговаривают с несмышлёными детьми или очень надоедливými пациентами. — Вы богатые. Но прикидываетесь бедными. Это ваше дело. Моё дело — лечить. Лечить я буду одинаково всех. Сядете вон там и не будете мне мешать.

И Тэд сел. Просто сел на указанное место и затих, чувствуя себя нашкодившим школьником.

Девушка тем временем разложила на столе инструменты. Иглы, нитки, ножницы, какие-то зажимы. Всё это выглядело пугающе профессионально и пугающе остро.

— Звать-то вас как? — спросила она, вдвоя нитку в иглу.

— Меня Тэд, — послушно ответил Тэд. — А его Аластэр.

— Аластэр, — повторила девушка, и в её голосе почудилась лёгкая насмешка. — Имя красивое. Для бедного слишком красивое.

— А вы?

— Я Лилиана. Местный лекарь. Вернее, помощница лекаря. Настоящий лекарь уехал в столицу полгода назад, сказал, что здесь скучно. Оставил на меня всю практику.

— И как? Справляетесь?

Лилиана не ответила. Она склонилась над Аластэром и начала обрабатывать рану той самой жгучей настойкой.

Эффект превзошёл все ожидания.

Аластэр, который до этого момента мирно посапывал в беспамятстве, вдруг дёрнулся всем телом, открыл глаза и заорал так, что с полки упала какая-то банка и покати́лась по

полу, к счастью, не разбившись.

— А-а-а-а! — завопил Аластэр, пытаясь вскочить. — Что это?! Огонь! Мой мозг горит!

— Лежи смирно, — приказала Лилиана, одним движением укладывая его обратно. Силы в ней оказалось гораздо больше, чем можно было предположить по хрупкому сложению. — Это настойка. Убивает заразу. Терпи.

— Я не могу терпеть! Это адское пламя! Вы мне череп прожгли!

— Не прожгла. Череп на месте. Если будете дёргаться, прожгу. Лежите смирно.

Тэд с восхищением и ужасом наблюдал, как эта хрупкая девушка удерживает на месте его друга, который был выше её на голову и тяжелее килограммов на двадцать. Удерживает легко, даже не запыхавшись.

— Тэд! — взмолился Аластэр, заметив друга. — Скажи ей! Это же садизм какой-то! Она меня пытается!

— Дружище, — развёл руками Тэд, — она лекарь. Ей виднее. Ты потерпи. Говорят, полезно.

— Полезно?! — Аластэр попытался приподняться, но Лилиана снова уложила его одним движением. — Я сейчас умру от болевого шока, и это будет на твоей совести!

— Не умрёте, — спокойно сказала Лилиана, продолжая обрабатывать рану. — От болевого шока умирают реже, чем от заражения крови. А без обработки у вас было бы именно заражение. Так что терпите, граф.

Повисла пауза.

Тэд побелел.

Аластэр перестал дёргаться и уставился на девушку круглыми глазами.

— Что? — выдохнул он.

— Что? — эхом отозвался Тэд.

Лилиана даже не подняла глаз от раны.

— Я сказала «терпите, граф», — повторила она будничным тоном. — Или вы не граф? Тогда извините. Просто по рукам видно. Такие руки бывают у тех, кто никогда не работал физически. И осанка. И носки, в конце концов. Носки у вас, простите, совсем не крестьянские. Такая тонкая шерсть в нашей губернии не водится. Только в столице, у портных, которые шьют на заказ для аристократии.

Аластэр и Тэд переглянулись.

— Но мы... — начал Тэд.

— Не надо, — остановила его Лилиана. — Мне всё равно, кто вы. Граф, купец, разбойник. Для меня вы пациент. Пациент с дырой в голове. А дыру в голове я буду зашивать одинаково всем. Так что лежите смирно и не мешайте.

Она взяла иглу и принялась зашивать рану.

Аластэр зажмурился, приготовившись к новой порции боли. Но боли не было. Вернее, была, но какая-то странная — не острая, а тянущая, и он чувствовал каждое прикосновение иглы, но это было скорее неприятно, чем невыносимо.

— Вы что-то сделали, — удивлённо сказал он. — Боль

утихла.

— Я же сказала: настойка не только дезинфицирует, но и слегка замораживает, — пояснила Лилиана. — Если бы вы не дёргались в начале, было бы ещё терпимее. Но вы дёргались.

— Вы меня извините, — виновато пробормотал Аластэр. — Я не ожидал.

— Обычно не ожидают. Лежите спокойно, осталось немного.

Тэд наблюдал за происходящим и постепенно успокаивался. Девушка явно знала своё дело. Руки у неё двигались уверенно, без лишней суеты, стежки ложились ровно, и через несколько минут голова Аластэра была аккуратно зашита и перевязана чистыми бинтами.

— Готово, — сказала Лилиана, откладывая инструменты. — Три дня не мочить. Повязку менять каждый день. Если поднимется температура или начнёт тошнить — сразу ко мне. Понятно?

— Понятно, — послушно кивнул Аластэр, чувствуя себя почему-то очень виноватым, хотя вины за ним никакой не было.

— Сколько мы должны? — спросил Тэд, доставая из кармана те самые два медяка и с тоской на них глядя.

Лилиана посмотрела на медяки, потом на Тэда, потом на Аластэра в его дорогих носках.

— Нисколько, — сказала она после паузы.

— Как это? — удивился Аластэр.

— А вот так. Вы же бедные. У вас даже сапоги спёрли. Какая с вас плата? Два медяка? Оставьте себе, на хлеб.

— Но мы не... — начал Аластэр и осекся под её взглядом.

— Вы не бедные? Я знаю. Но раз вы пришли ко мне в таком виде, значит, на то были причины. Я не лезу в чужие тайны. Лечение я оказываю всем, независимо от достатка. Если у вас совесть не позволяет уйти просто так — принесёте потом, когда разберётесь со своими делами. Или можете чем-нибудь. Дрова, например, поколоть. У меня дрова скоро кончатся.

Аластэр открыл рот, чтобы сказать, что он, граф, никогда в жизни не колот дрова и даже не представляет, с какой стороны к ним подходить, но потом вспомнил недавний разговор с Тэдом о том, что простые люди всё делают сами, и закрыл рот.

— Хорошо, — сказал он вместо этого. — Я... я приду. И помогу. С дровами. Или ещё чем.

Лилиана усмехнулась — впервые за всё время.

— Посмотрим, — сказала она. — А пока отдыхайте. Вон там лавка, на ней можно поспать. Вы, — она кивнула на Тэда, — на полу. Подстилка есть. Утром разбудите меня, если что-то пойдёт не так. Я в соседней комнате.

Она взяла светильник и ушла, оставив друзей в полумраке.

Некоторое время они молчали. Потом Тэд повернулся к

Аластэру и прошептал:

— Ты понял? Она нас раскусила. Сразу. По носкам!

— Я понял, — так же шёпотом ответил Аластэр. — И что теперь?

— А что теперь? Ничего. Она сказала — лечит всех одинаково. И денег не взяла. Странная какая-то.

— Не странная, — задумчиво сказал Аластэр, глядя в потолок. — Удивительная. Ты видел, как она работала? Уверенно, спокойно. Никакой паники. И руки... у неё очень тёплые руки, Тэд. Когда она прикасалась, мне казалось, что боль уходит.

— Ты бредишь? — обеспокоенно спросил Тэд. — Голова сильно болит? Может, позвать её?

— Не надо, — остановил его Аластэр. — Всё нормально. Просто... задумался.

— О чём?

— О том, что я обязательно вернусь. И помогу ей с дровами. И принесу денег. Много денег.

— Ага, — хмыкнул Тэд. — И представишься: «Здравствуйте, я тот самый граф, которому вы голову зашивали. Пришёл отрабатывать». Она ж тебя этой же иглой зашьёт, только уже рот.

— Посмотрим, — загадочно улыбнулся Аластэр и закрыл глаза.

Тэд покачал головой, устроился на своей подстилке и попытался заснуть. Сон не шёл. В голове крутились события

этого безумного дня: телега, трактир, разбойники, дубина, эта странная девушка с холодными глазами...

«Интересно, — подумал Тэд, — что из этого приключения выйдет? Хорошо, если ничего. А если выйдет что-то? В смысле, между ними? Нет, бред. Она же простая лекарка, он граф. Его мать скорее удавится, чем согласится на такой мезальянс. Хотя... девушка она интересная. И характер — кремень. Таковую не сломаешь. Ладно, утро вечера мудренее».

Он повернулся на бок и наконец-то провалился в сон.

Аластэру снилась Лилиана. Она сидела у его постели и держала его за руку, и от её прикосновения разливалось по телу тепло, и голова совсем не болела, и вообще всё было хорошо.

Утром он проснулся с одной-единственной мыслью: «Я должен увидеть её снова».

Лилиана тем временем сидела на кухне и пила травяной чай, глядя в окно на просыпающийся город. Она думала о вчерашних пациентах.

«Граф, — размышляла она. — Точно граф. И друг его, видимо, тоже из знати. Что они забыли в нашем городе, да ещё в таком виде? Разбойники, говорите? Ну-ну. Ладно, не моё дело. Вылечила — и ладно. Придут — хорошо. Не придут — тоже не убудет. Привыкла я уже, что люди не возвращаются. Всегда только когда плохо — приходят. А как полегчает — забывают дорогу».

Она допила чай и пошла будить пациентов.

— Вставайте, — сказала она, входя в комнату. — Утро. Вам, — она кивнула на Аластэра, — нужно менять повязку. А вам, — на Тэда, — нужно идти на рынок за продуктами, если вы собираетесь здесь за#дываться. У меня на двоих запасов нет.

— Мы не... — начал Тэд.

— Я знаю, что вы не собираетесь задерживаться, — перебила Лилиана. — Но завтрак вам нужен. Так что идите.

Тэд послушно встал, натянул сапоги и вышел, оставив Аластэра наедине с Лилианой.

Аластэр чувствовал себя неловко. Он сидел на лавке, пока Лилиана ловко меняла ему повязку, и не знал, куда девать глаза. Смотреть на неё — неудобно. Смотреть в окно — глупо. Смотреть на свои носки — совсем идиотизм.

— Спасибо, — выдавил он наконец.

— Не за что, — ответила Лилиана, даже не взглянув на него. — Работа у меня такая.

— Нет, правда. Вы... вы могли бы не открывать ночью. Могли бы прогнать. Могли бы потребовать денег вперёд. А вы не потребовали. Спасибо.

Лилиана закончила с повязкой и наконец-то посмотрела на него в упор.

— Послушайте, граф, — сказала она спокойно. — Я не знаю, зачем вы здесь и почему прикидываетесь бедным. Это не моё дело. Моё дело — лечить. Я дала клятву, когда училась. Лечить всех, независимо от происхождения и достат-

ка. Вот я и лечу. Не ждите от меня особого отношения. Я ко всем одинаково отношусь. И к графам, и к нищим.

— Я и не жду, — тихо сказал Аластэр. — Я просто хочу, чтобы вы знали: я не забуду. Я вернусь и отблагодарю.

— Как хотите, — пожала плечами Лилиана. — А пока вставайте. Ваш друг, наверное, уже заждался у прилавков. Идите, завтракайте. И постарайтесь больше не попадать под дубины. Второй раз могу и не успеть.

Аластэр встал, чувствуя лёгкое головокружение, но стараясь не подавать вида. Он надел сапоги (свои собственные, которые Тэд предусмотрительно прихватил, когда они уходили из замка, благо в кармане остались запасные) и направился к двери.

У порога он обернулся.

— Лилиана, — сказал он. — Я обязательно вернусь.

— Счастливого пути, — ответила она, не оборачиваясь.

Дверь за ним закрылась. Лилиана осталась одна в своей маленькой лаборатории, среди трав и склянок.

«Вернётся он, — подумала она. — Как же. Все они так говорят. А потом забывают. Графы особенно».

Она вздохнула и принялась перебирать травы, стараясь не думать о странном пациенте с благородными манерами и дурацкими носками.

Но почему-то думалось.

Глава 4

Утро встретило Аластэра тупой пульсирующей болью в затылке и странным ощущением, что он находится не там, где должен находиться. Он открыл глаза и уставился в потолок — низкий, деревянный, с тёмными балками, совсем не похожий на лепные потолки его спальни.

Где он?

Память возвращалась медленно, кусками. Телега. Трактир. Лес. Разбойники. Коряга. Дубина.

Аластэр поморщился и попытался приподняться, но чья-то рука мягко, но настойчиво вернула его обратно.

— Лежите, — раздался над ним спокойный женский голос. — Вам нельзя вставать.

Аластэр повернул голову и замер.

Над ним склонилась девушка. Самая прекрасная девушка, которую он когда-либо видел в своей жизни. Тёмные волосы, строго собранные в пучок, открывали тонкую шею и изящные уши. Чёткая линия скул, прямой нос, чуть тронутые румянцем щёки. Но главное — глаза. Большие, серые, прозрачные, как горный ручей, они смотрели на него с холодным профессиональным интересом, без тени эмоций.

Аластэр забыл, как дышать.

— Вы... — прошептал он и понял, что забыл все слова, которые когда-либо знал.

— Я лекарь, — представилась девушка, даже не улыбнувшись. — Вернее, помощница лекаря. Вас принёс ваш друг. У вас рана головы. Сейчас буду осматривать.

Она присела на край лавки и ловкими движениями начала разматывать повязку, которую, судя по всему, наложила ещё ночью. Аластэр следил за её руками, замороженный плавностью и точностью движений. Пальцы у неё были длинные, тонкие, с коротко остриженными ногтями — руки человека, привыкшего работать.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, не поднимая глаз. — Голова кружится? Тошнит? В глазах двоится?

— Нет, — ответил Аластэр и тут же понял, что соврал. В глазах у него действительно двоилось. Точнее, он видел одну девушку, но она казалась ему сразу двумя — прекрасной и ещё более прекрасной. — То есть да. То есть... я не знаю.

Девушка подняла на него взгляд, и Аластэр понял, что тонет в этих серых глазах. Глубоких, холодных, загадочных. Ему захотелось сказать ей что-то красивое, галантное, достойное той бури чувств, которая поднялась у него в груди.

— Ваши глаза... — начал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно более проникновенно. — Они напоминают мне утреннее небо над морем в тот час, когда солнце только-только касается горизонта, окрашивая облака в розовый цвет, а вода ещё хранит прохладу ночи. В них есть глубина и тайна, и я готов смотреть в них вечность, пытаюсь разгадать эту тайну...

— Помолчите, — оборвала его девушка, даже бровью не поведя.

— Что? — растерялся Аластэр.

— Я сказала — помолчите. А то нитки в голове запутаются.

И она действительно взяла в руки иглу с ниткой и склонилась над его раной.

Аластэр открыл рот, собираясь возразить, что он вообще-то граф, что с ним так никто не разговаривает, что его комплименты обычно воспринимаются с благодарностью и томными вздохами, но девушка уже вонзила иглу в его кожу, и все мысли вылетели из головы.

— Ай! — пискнул он, дёрнувшись.

— Не дёргаться, — строго сказала девушка. — Сами виноваты. Я же просила — помолчите. А вы со своей поэзией. Вот нитка и пошла криво. Придётся переделывать.

— Переделывать? — ужаснулся Аластэр. — Вы хотите сказать, что будете снова...

— Да. Так что сидите смирно и рта не открывайте. Я быстро.

Она действительно работала быстро и уверенно. Аластэр чувствовал лёгкие покалывания, но боли почти не было — видимо, та самая настойка, о которой говорила девушка, продолжала действовать. Он лежал, стараясь не шевелиться, и смотрел на неё.

Сейчас, когда она была так близко, он мог разглядеть каж-

дую деталь: маленькую родинку над правой бровью, едва заметную складочку между бровями, которая появлялась, когда она сосредотачивалась, лёгкое покачивание серёжки в ухе — простой серебряный кружок, без камней и изысков.

От неё пахло травами — ромашкой, мятой, ещё чем-то горьковатым и пряным. Этот запах окутывал её, смешиваясь с её собственным, едва уловимым, и Аластэру казалось, что вдыхать этот аромат можно бесконечно.

Он заметил, что она одета в простой тёмно-синий сарафан поверх белой блузы, а поверх всего — фартук, испачканный чем-то бурым (надеялся, что это не кровь предыдущих пациентов). Волосы её, собранные в пучок, открывали изящную шею, и Аластэр поймал себя на том, что рассматривает эту шею с не меньшим интересом, чем глаза.

— Готово, — сказала девушка, закрепляя последний стежок. — На этот раз ровно. Лежите пока. Я принесу отвар, надо выпить.

Она встала и направилась к столу в углу комнаты. Аластэр проводил её взглядом и только сейчас заметил, что в комнате есть кто-то ещё.

Тэд сидел на лавке у стены и смотрел на друга с выражением, в котором смешивались сочувствие, насмешка и лёгкое беспокойство.

— Что? — спросил Аластэр, чувствуя себя глупо.

— Ничего, — усмехнулся Тэд. — Просто никогда не видел, как графу Вальмонту отказывают в таком количестве

слов. Обычно ты своими речами девиц с ума сводишь. А тут — «помолчите, а то нитки запутаются». Классика! Я запишу и буду внукам рассказывать.

— Заткнись, — беззлобно огрызнулся Аластэр.

— Сам заткнись, а то она и тебя зашьёт. Вон какая игла острая.

Лилиана вернулась с кружкой, от которой поднимался пар и исходил странный, но не неприятный запах.

— Пейте, — сказала она, протягивая кружку Аластэру. — Это отвар из тысячелистника и зверобоя. Для крови и от воспаления.

Аластэр послушно взял кружку, сделал глоток и скривился.

— Горько, — пожаловался он.

— Лекарство не обязано быть вкусным, — парировала Лилиана. — Оно должно быть полезным. Пейте до дна.

— Может, хотя бы ложку мёда? — жалобно спросил Аластэр, чувствуя себя маленьким мальчиком.

Лилиана посмотрела на него с лёгким удивлением.

— Мёд? Вы серьёзно? Граф, которому разбойники проломили голову, просит мёд в лекарство?

— А что такого? Мёд полезен. И вкусный.

— Мёд дорогой, — отрезала Лилиана. — Я не держу мёд для каждого пациента. Если бы вы заплатили за лечение, я бы могла подумать. А так — пейте, как есть.

Аластэр вспомнил, что они с Тэдом действительно не за-

платили, и ему стало стыдно. Он залпом допил отвар, стараясь не обращать внимания на вкус, и вернул кружку.

— Спасибо, — сказал он искренне.

— Не за что, — Лилиана приняла кружку и поставила её на стол. — Теперь отдыхайте. Ваш друг сказал, что вы планировали задержаться в городе. Задержитесь, но с условием: никаких нагрузок, никаких драк, никаких разбойников. Через три дня придёте на перевязку.

— А где вы принимаете? — быстро спросил Аластэр.

— Здесь. Это мой дом и моя лечебница. Придёте — постучите. Если буду занята — подождёте.

Она говорила это таким тоном, каким обычно разговаривают с назойливыми мухами, но Аластэр не обижался. Наоборот, ему нравилась эта её холодность, эта отстранённость, это полное отсутствие желания ему понравиться.

Обычно девушки при дворе смотрели на него совсем иначе. Они улыбались, строили глазки, пытались завлечь разговорами. Им было важно, кто он, сколько у него земель, какой замок достанется в наследство. А этой было всё равно. Она видела в нём только пациента. Самого обычного пациента с дырой в голове.

И это подкупало.

— Лилиана, — позвал он, когда она уже собиралась уйти. Она обернулась.

— Можно мне узнать ваше полное имя? Просто чтобы знать, кого благодарить.

Девушка помедлила, словно решая, стоит ли удовлетворять это праздное любопытство.

— Лилиана Веснина, — ответила она наконец. — Дочь Веснина, бывшего лекаря, ныне покойного. Ученица лекаря Морица, который уехал в столицу. Всё. Больше вам ничего не нужно.

— Нужно, — упрямо сказал Аластэр. — Мне нужно знать, как вас найти. Вдруг что-то случится? Вдруг голова заболит сильнее?

— Если заболит — придёте, — пожала плечами Лилиана. — Адрес вы знаете.

Она вышла, оставив Аластэра в смешанных чувствах.

Тэд подошёл к другу и присел рядом.

— Ну что, граф, — усмехнулся он, — допрыгался? Втрескался по уши в простую лекарку, которая тебя же и зашила?

— Не говори ерунды, — буркнул Аластэр, отворачиваясь.

— Ага, конечно. Я же вижу, как ты на неё смотришь. Как кот на сметану. Только вот эта сметана холодная, как ледник в горах. Обожжёшься.

— Ты ничего не понимаешь, — вздохнул Аластэр. — Она... она настоящая. Не притворяется, не улыбается фальшиво, не пытается понравиться. Она просто делает своё дело и не ждёт благодарности. Ты видел таких людей при дворе?

— При дворе таких нет, — согласился Тэд. — Там все улыбаются, но за спиной нож точат. А эта сразу видно — если бы ты ей не понравился, она бы тебя на порог не пустила.

Или пустила, но лечила бы молча и без разговоров. А она с тобой разговаривает. Пусть и грубо, но разговаривает. Значит, что-то в тебе есть.

— Ты думаешь? — оживился Аластэр.

— Я думаю, что у тебя сотрясение и тебе нельзя напрягать мозг такими сложными мыслями. Спи давай. Завтра будем решать, что делать дальше.

Аластэр послушно закрыл глаза, но сон не шёл. Перед глазами стояло лицо Лилианы, её серые глаза, её строгий пучок, её фартук в пятнах.

«Что со мной? — думал он. — Я видел столько красивых женщин. Герцогини, графини, иностранные принцессы. Ни одна не заставила моё сердце биться чаще. А эта простая девушка, с иглой в руках, с этим своим ледяным взглядом... Почему я не могу выкинуть её из головы?»

Ответа не было.

Лилиана тем временем сидела на кухне и пила чай. Перед ней стояла та самая кружка, из которой пил Аластэр, и она машинально крутила её в руках, глядя на остатки отвара на доньшке.

«Граф, — думала она. — Настоящий граф. Интересно, что он забыл в нашем городе? И почему прикидывался бедным? Испытание какое-то? Или сбежал от невесты? Или просто ищет приключений на одно место? Судя по дыре в голове, нашёл».

Она усмехнулась своим мыслям.

«Красивый, конечно. И глаза у него добрые, не как у других аристократов. И комплимент пытался сказать, хоть и неуклюже. Про глаза, про небо... Смешной. Но мне это не нужно. Мне вообще никто не нужен. У меня работа, у меня пациенты, у меня долги за отцову лечебницу. Какие тут графы? Забудь, Лилиана. Вылечила — и проводила. И точка».

Она допила чай и пошла готовить новые настойки, стараясь не думать о странном пациенте с дурацкими комплиментами и красивыми глазами.

Но почему-то не думать не получалось.

Утром, когда друзья собрались уходить, Лилиана вышла их проводить. Аластэр, уже в сапогах (Тэд принёс запасные), стоял у порога и не решался уйти.

— Лилиана, — сказал он, — я... я правда очень благодарен. Я не знаю, как отблагодарить.

— Выздоровливайте, — коротко ответила она. — И другим не давайте. Это будет лучшая благодарность.

— Я вернусь, — пообещал Аластэр. — На перевязку. Через три дня.

— Возвращайтесь, — кивнула Лилиана. — Если что-то пойдёт не так — раньше. Головные боли, тошнота, головокружение — сразу ко мне.

— Я запомнил.

Аластэр сделал шаг к двери, потом обернулся.

— Лилиана... ваши глаза действительно прекрасны. Я не врал.

Лилиана подняла на него взгляд, и впервые за всё время в её глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Идите уже, граф, — сказала она. — А то я сейчас возьму иголку и пришью вас к порогу. Будете тут стоять вечно.

Тэд фыркнул и потащил друга за рукав.

— Пошли, Ромео, пока она не исполнила угрозу. Иголка у неё острая, я проверял.

Они вышли за дверь, и Лилиана слышала, как они спорят на крыльце — Тэд хохочет, Аластэр что-то доказывает.

Она улыбнулась. Впервые за долгое время — искренне и тепло.

«Интересный он, — подумала она. — Смешной. И настоящий. Посмотрим, что из этого выйдет».

Аластэр шёл по утреннему городу и чувствовал, как внутри разливается тепло. Голова болела, ноги гудели после бессонной ночи на жёсткой лавке, но на душе было легко и радостно.

— Ты что улыбишься? — спросил Тэд, заглядывая ему в лицо. — У тебя сотрясение, между прочим. Тебе положено страдать и мучиться.

— А мне хорошо, — признался Аластэр. — Ты не представляешь, Тэд, как мне хорошо.

— Представляю, — вздохнул Тэд. — Втрескался. По самые уши. В девушку, которая тебя иголкой тычет и отваром горьким поит. С ума сошёл, граф? Она ж тебя в порошок сотрёт. У неё характер — кремень.

— Знаю, — улыбнулся Аластэр. — Именно поэтому.

— Что «поэтому»?

— Именно поэтому она мне и нравится.

Тэд остановился и посмотрел на друга с выражением глубочайшей задумчивости.

— Знаешь что, Аластэр? — сказал он наконец. — Или у тебя правда сотрясение серьёзное, и нам срочно надо к другому лекарю. Или ты влюбился. И второе, пожалуй, страшнее первого.

— Почему?

— Потому что сотрясение лечится за неделю, а от любви лекарства нет. Особенно от такой — к ледяной красавице с иголками.

Аластэр рассмеялся, несмотря на боль в голове.

— Пошли завтракать, — сказал он. — А потом будем думать, где остановиться. Нам ещё три дня в городе жить, до перевязки.

— Три дня? — переспросил Тэд. — А как же наше великое турне? А как же единение с народом? А как же философские беседы с крестьянами?

— Всё успеем, — махнул рукой Аластэр. — У нас впереди целых три дня. И целая жизнь, в конце концов.

— Оптимист, — хмыкнул Тэд. — Ну-ну. Посмотрим, что ты запоешь, когда она тебя в следующий раз отваром напоит. Ты ещё пожалеешь, что не умер от той дубины.

Но Аластэр его уже не слушал. Он смотрел в сторону до-

мика на окраине, где осталась девушка с серыми глазами, и улыбался.

Впереди было целых три дня.

И он знал, что проведёт их не зря.

Глава 5

Три дня пролетели как один миг. Аластэр поселился с Тэдом в скромном постоялом дворе на окраине города, который рекомендовала Лилиана. Место оказалось чистым, недорогим и, что самое главное, находилось всего в пятнадцати минутах ходьбы от её дома.

Каждое утро Аластэр просыпался с мыслью о ней. Каждый вечер засыпал с её именем на губах. А между утром и вечером он мучительно ждал момента, когда можно будет снова пойти на перевязку.

Тэд наблюдал за этим с возрастающим беспокойством.

— Ты как собака павлова, — ворчал он, глядя, как друг в сотый раз поправляет воротник перед выходом. — Только звонок у тебя не еда, а иголка в голову. Привыкаешь, что ли?

— Ничего я не привыкаю, — огрызался Аластэр, хотя в глубине души понимал, что Тэд недалёк от истины.

За эти три дня он успел узнать о Лилиане многое. Например, что она встаёт затемно, чтобы успеть приготовить настойки до прихода первых пациентов. Что она кормит бездомную кошку, которая приходит к её крыльцу каждое утро. Что у неё есть привычка грызть кончик пера, когда она записывает рецепты, отчего на всех её бумагах остаются маленькие влажные следы. Что она улыбается крайне редко, но когда улыбается — у неё на левой щеке появляется ямочка, и

это зрелище способно растопить любое, самое ледяное сердце.

Сегодня был день финальной перевязки. Три дня прошло, рана должна была зажить, и Лилиана обещала снять швы.

Аластэр шёл к её дому и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Тэд плёлся сзади, делая вид, что совершенно не при делах, но на самом деле сгорая от любопытства.

— Ты чего такой нервный? — подначивал он. — Боишься, что больно будет? Так ты уже привык, тебя три дня тыкали.

— Я не боюсь, — буркнул Аластэр. — Я просто... волнуюсь.

— Ага, волнуется он. Знаю я это волнение. У тебя глаза как у влюблённого телёнка. Она тебя иголкой тычет, а ты млеешь. Ненормальный.

— Отстань.

— Не отстану. Я, между прочим, за тебя переживаю. Вдруг она тебе откажет? Или хуже — согласится, а потом выяснится, что она замужем за местным кузнецом, который тебя этой же иголкой и пришьёт к забору?

— Не выдумывай.

— Я не выдумываю, я предусматриваю.

В таком духе они дошли до дома Лилианы. Аластэр постучал, стараясь унять дрожь в руках.

Дверь открылась. На пороге стояла Лилиана — в том же тёмно-синем сарафане, в том же фартуке, с теми же серыми глазами, от которых у Аластэра перехватывало дыхание.

— Пришли, — констатировала она будничным тоном. — Заходите.

В доме пахло травами и ещё чем-то вкусным — кажется, Лилиана готовила обед и он как раз доходил на печи.

— Садитесь, — кивнула она на лавку, где Аластэр уже привык сидеть во время процедур. — Сейчас посмотрим, что у нас с раной.

Аластэр послушно сел. Лилиана встала у него за спиной и начала осторожно разматывать повязку. Её пальцы коснулись его затылка, и по спине побежали мурашки.

— Так, — пробормотала она, рассматривая рану. — Заживает хорошо. Воспаления нет. Швы можно снимать.

Она отошла к столу, чтобы подготовить инструменты, и Аластэр наконец-то смог выдохнуть. От её близости у него буквально плавилась мозги.

Тэд тем временем устроился на лавке у стены и делал вид, что изучает банки с травами, хотя на самом деле внимательно следил за происходящим. Он бы ни за что в этом не признался, но ему тоже было интересно, чем закончится это знакомство.

Лилиана вернулась с подносом, на котором лежали ножницы, пинцет, чистые бинты и несколько баночек с мазями.

— Сейчас будет немного щипать, — предупредила она, — но терпимо. Сидите смирно.

Аластэр замер, чувствуя, как она склоняется над ним. От неё пахло мятой и ещё чем-то тёплым, домашним. Он слы-

шал её дыхание — ровное, спокойное, совсем не такое, как его собственное, сбивчивое и нервное.

Лилиана взяла пинцет и ножницы и приступила к работе.

И вот тут Аластэр понял, почему не мог выкинуть её из головы все эти три дня.

Она работала с удивительным, завораживающим спокойствием. Каждое её движение было точным, выверенным, лишённым суеты. Пинцет в её руках казался продолжением пальцев. Ножницы разрезали нитки с ювелирной аккуратностью, не задевая кожу.

Она не отвлекалась, не разговаривала, не смотрела по сторонам. Она была полностью сосредоточена на процессе — и в этой сосредоточенности была какая-то особая, суровая красота.

Аластэр смотрел на её руки и не мог отвести взгляд. Как она держит инструменты, как чуть наклоняет голову, когда нужно рассмотреть мелкие детали, как морщит лоб, если нитка не поддаётся. Всё это было прекрасно.

— Не дёргайтесь, — сказала Лилиана, хотя он и не дёргался. Просто она чувствовала его взгляд, даже не поднимая глаз.

— Я не дёргаюсь, — виновато ответил Аластэр.

— Вы дышите слишком громко.

— Извините.

Тэд фыркнул в углу, но промолчал.

Процедура заняла около получаса. Лилиана сняла все

швы, обработала рану какой-то пахучей мазью и наложила свежую, лёгкую повязку.

— Готово, — сказала она, отступая на шаг и с удовлетворением осматривая свою работу. — Рана чистая, заживление идёт отлично. Через неделю можно будет снять повязку совсем. Пока старайтесь не мочить, не чесать и не бить по голове повторно. Хотя последнее, судя по вашей способности находить приключения, будет сложно.

Аластэр поднялся с лавки и повернулся к ней лицом. Лилиана стояла напротив, держа в руках окровавленные бинты и инструменты, и выглядела при этом так, будто только что сделала самую обычную работу — вымыла пол или почистила картошку.

— Лилиана, — сказал Аластэр, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я хочу вас поблагодарить. По-настоящему. Вы спасли мне жизнь. Если бы не вы, я мог умереть от потери крови или от заражения. Я этого не забуду.

Лилиана пожала плечами.

— Я делала свою работу. Не надо благодарностей.

— Надо, — упрямо сказал Аластэр. — Я не могу просто так уйти. Позвольте мне... позвольте мне что-то для вас сделать. Заплатить за лечение, помочь по хозяйству, принести дров, как вы говорили. Что угодно.

Лилиана посмотрела на него долгим взглядом. В её серых глазах читалась сложная гамма чувств: удивление, лёгкое раздражение, и где-то глубоко-глубоко — что-то похо-

жее на интерес.

— Вы серьёзно? — спросила она.

— Абсолютно.

— Вы граф. Настоящий граф, я не ошибаюсь? — она прищурилась.

Аластэр замялся, но потом решил, что врать дальше бессмысленно.

— Да, — признался он. — Я граф Аластэр Эдгар Вальмонт де Рошфор, наследник графства Вальмонт. И я перед вами в неоплатном долгу.

Лилиана усмехнулась — и это была не добрая усмешка.

— Граф, который хочет колоть дрова для простой лекарки. Мило. Очень мило. Вы представляете, что скажут ваши родственники, если узнают?

— Мне всё равно, что они скажут, — твёрдо ответил Аластэр.

— Врёте, — спокойно сказала Лилиана. — Не всё равно. Вы воспитаны при дворе, вы знаете, что такое этикет, что такое репутация, что такое мнение света. Вы не можете просто взять и пойти колоть дрова для простой девушки. Это неприлично.

— А пробивать голову графу дубиной — прилично? — вмешался Тэд из угла. — Простите, не удержался.

Лилиана бросила на него короткий взгляд, но ничего не сказала.

— Лилиана, — Аластэр сделал шаг к ней, — я не шучу.

Я правда хочу помочь. Не из чувства долга, не потому что должен. А потому что... потому что вы мне небезразличны.

Повисла тишина. Тэд затаил дыхание. Лилиана смотрела на Аластэра так, будто видела впервые — оценивающе, внимательно, чуть настороженно.

— Вы меня не знаете, — сказала она наконец. — Вы видели меня два раза. С иглой в руках и с окровавленными бинтами. Что вам может быть во мне небезразлично?

— Всё, — выдохнул Аластэр. — То, как вы работаете. Как держите инструменты. Как морщите лоб, когда сосредотачиваетесь. Как пахнете мятой. Как кормите бездомную кошку по утрам. Я всё это видел. И мне всё это дорого.

Лилиана моргнула. Кажется, впервые за всё время их знакомства она была по-настоящему удивлена.

— Вы... вы следили за мной? — спросила она с ноткой возмущения в голосе.

— Нет! — поспешно воскликнул Аластэр. — То есть да, но не специально. Я просто... я приходил раньше, перед перевязками. Иногда ждал, когда вы освободитесь. И видел. Простите, если это неприлично.

Лилиана открыла рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент Тэд, который всё это время сидел как на иголках, вдруг вскочил и подлетел к другу.

— Аластэр! — зашипел он, хватая его за рукав. — Нам пора! Срочно! Очень срочно!

— Что случилось? — удивился Аластэр, пытаясь вырвать-

ся. — Мы ещё не договорили.

— Всё уже договорили! — Тэд тянул его к двери с неожиданной силой. — Потом договорите! Через год! Через десять лет! Но сейчас нам нужно бежать!

— Тэд, ты с ума сошёл? Отпусти!

— Не отпущу! — Тэд понизил голос до шёпота, но такого пронзительного, что его было слышно, наверное, даже на улице: — Ты посмотри на неё! Посмотри на её руки! У неё ножницы! Острые! И скальпель! Она же нас обоих простерилизует, если ты продолжишь нести эту романтическую чушь! Бежим, пока целы!

Аластэр опешил. Он посмотрел на Лилиану, которая действительно всё ещё держала в руках инструменты — ножницы поблёскивали в свете лампы самым зловещим образом.

Лилиана перевела взгляд с ножниц на Аластэра, потом на Тэда, и вдень на её лице появилось выражение, которого никто из них раньше не видел.

Она улыбнулась.

Не той холодной, отстранённой улыбкой, которой встречала пациентов. Нет, это была самая настоящая, тёплая, почти домашняя улыбка. И на левой щеке действительно появилась та самая ямочка, о которой Аластэр мечтал все три дня.

— Бегите, граф, — сказала она. — А то и правда простерилизую. У меня рука твёрдая.

Тэд, не дожидаясь повторения, рванул дверь и вытащил

Аластэра на крыльцо.

— Бегом! — скомандовал он. — Пока она не передумала!

Они пробежали до калитки, вылетели на улицу и остановились только за углом, тяжело дыша.

Аластэр опёрся руками о колени и пытался отдышаться.

— Ты... — выдохнул он, — ты... идиот!

— Я спас тебе жизнь! — возразил Тэд. — Ты видел эти ножницы? Они же огромные! Она бы тебя ими — хоп! И нет графа!

— Она улыбнулась, — мечтательно сказал Аластэр, глядя в небо. — Ты видел? Она улыбнулась. И у неё ямочка на щеке.

— Я видел только ножницы! — рывкнул Тэд. — И тебе советую видеть то же самое! А то влюбишься, женишься, а она тебя ночью зашьёт в простыню!

— Не зашьёт, — улыбнулся Аластэр.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю.

Он выпрямился, поправил одежду и посмотрел в сторону дома Лилианы. Сердце колотилось как бешеное, но не от беготни. От того, что она улыбнулась. От того, что она назвала его «граф» не холодно и отстранённо, а почти ласково.

— Я вернусь, — сказал он твёрдо.

— Куда? — ужаснулся Тэд.

— К ней. Завтра. С дровами.

— Ты рехнулся окончательно?

— Возможно, — согласился Аластэр. — Но это приятное безумие.

Он развернулся и пошёл в сторону постоянного двора, насвистывая какую-то глупую песенку.

Тэд посмотрел ему вслед, покачал головой и поплёлся за другом.

— Пропавший человек, — бормотал он себе под нос. — Совсем пропавший. Влюбился в девушку с ножницами. Женится — будет семейные ссоры инструментами выяснять. Она его скальпелем, он её — корягой. Красота!

Но в глубине души он завидовал другу. Тэд тоже хотел когда-нибудь встретить ту, из-за которой захочется совершать глупости. Даже такие дурацкие, как колоть дрова для девушки, которая тебя лечила.

А в доме Лилианы было тихо. Она стояла у окна и смотрела вслед двум фигурам, удаляющимся по пыльной дороге.

На губах её всё ещё играла улыбка.

«Граф, — думала она. — Дурак. Красивый, благородный, настойчивый дурак. Припрётся завтра с дровами, как пить дать припрётся. И что мне с ним делать?»

Она вздохнула и пошла мыть инструменты.

Ножницы сверкали в тазу с водой, отражая лучи заходящего солнца.

— Ножницы у неё острые, — сказала она вслух, копируя панический шёпот Тэда, и вдруг рассмеялась. Искренне, звонко, как не смеялась уже много лет.

Кошка, дремавшая на подоконнике, подняла голову и удивлённо посмотрела на хозяйку.

— Что? — спросила её Лилиана. — Смешно же. Такие два придурка. Особенно этот, с его комплиментами и клятвами. Граф называется.

Кошка зевнула и снова уткнулась носом в лапы.

Ей не было дела до графов. А вот Лилиане, кажется, начинало быть.

Она посмотрела в окно, туда, где уже скрылись друзья, и подумала: «Интересно, а правда придёт? Или как все — пообещает и забудет?»

Ответа не было. Оставалось только ждать.

Аластэр пришёл на следующее утро.

С дровами.

Огромной охапкой дров, которые он честно купил на рынке (потому что сам нарубить пока не решался — боялся опозориться), и с таким сияющим лицом, будто нёс не поленья, а охапку роз.

Лилиана открыла дверь, посмотрела на него, на дрова, и ничего не сказала.

Только посторонилась, пропуская в дом.

А кошка, дремавшая на крыльце, одобрительно шевельнула ухом.

Начало было положено.

Глава 6

Особняк графов Вальмонт располагался на холме в получасе езды от города — огромное каменное сооружение с башенками, шпилями и флагом, гордо реющим на ветру. Аластэр всегда считал его своим домом, местом, где можно укрыться от любых невзгод.

Сейчас, подъезжая к воротам в нанятой повозке (потому что идти пешком с больной головой было бы чистым безумием), он смотрел на особняк и чувствовал... ничего. Пустоту. Мыслями он был не здесь.

— Ваше сиятельство! — дворецкий Брамс, сухой старик с идеально прямой спиной, встретил его на крыльце с выражением крайней озабоченности на лице. — Мы так волновались! Вы не вернулись к ужину, а потом и к завтраку, и мы уже собирались отправлять поисковый отряд!

— Всё в порядке, Брамс, — устало махнул рукой Аластэр, спрыгивая с повозки. И тут же охнул, потому что голова отозвалась острой болью.

— Ваше сиятельство! — Брамс подскочил к нему, готовый подхватить в любой момент. — Вы ранены?! У вас кровь на голове! Я сейчас же пошлю за лекарем! За лучшим лекарем в столице! За тремя лучшими лекарями!

— Не надо, — остановил его Аластэр. — Меня уже лечили. Всё хорошо.

Брамс замер, разглядывая повязку на голове графа. На его лице отразилась сложная гамма чувств: тревога, непонимание и лёгкое подозрение, что повязка эта не соответствует стандартам качества, принятым в графстве Вальмонт.

— Простите, ваше сиятельство, — осторожно начал он, — но эта повязка... она выглядит несколько... как бы это сказать... просто?

— Она просто и есть, — подтвердил Аластэр, направляясь в дом. — Меня лечила деревенская лекарка. И знаешь, Брамс, это было лучшее лечение в моей жизни.

Брамс открыл рот, закрыл, снова открыл, но ничего не сказал. Только покачал головой и поспешил за хозяином, чтобы распорядиться насчёт горячей ванны и ужина.

Внутри особняка всё было по-прежнему: мраморные полы, высокие потолки с лепниной, картины предков на стенах (все как один с надменными лицами и тяжёлыми подбородками), мягкие ковры, в которых утопали ноги. Аластэр прошёл через холл, поднялся по лестнице в свои покои и наконец-то смог вздохнуть свободно.

Здесь, в привычной обстановке, он надеялся обрести покой.

Но покой не приходил.

Он сел в кресло у камина и уставился на огонь. Перед глазами стояла Лилиана. Её серые глаза, её строгий пучок, её руки с иглой, её запах — мята и травы.

— Ваше сиятельство, — в дверях появилась горничная

Милли, молодая девушка с веснушчатым лицом, — ванна готова. И ужин подадут через час.

— Спасибо, Милли, — рассеянно ответил Аластэр. — Я скоро подойду.

Милли поклонилась и исчезла. Аластэр ещё немного посидел, потом встал и подошёл к зеркалу.

Из позолоченной рамы на него смотрел незнакомец. Осушившийся, бледный, с повязкой на голове и каким-то странным блеском в глазах. Сапоги, которые он так и не снял, были безнадёжно испорчены — грязь, пыль, и, кажется, следы разбойничьих рук. Штаны в сене. Рубаха мятая.

— Красавец, — хмыкнул он своему отражению. — Граф Вальмонт собственной персоной. Мечта невест.

Он стянул сапоги и с отвращением отшвырнул их в угол. Потом подумал — и пошёл поднимать. В конце концов, это были его любимые сапоги, и мысль о том, что они валяются в углу, как какая-то рухлядь, была ему неприятна.

Подняв сапоги, он заметил, что к одному прилипло сухое растение. Травинка. Маленькая, невзрачная, с узкими листочками.

Он поднёс её к лицу и вдохнул.

Мята.

Лилиана пахла мятой. И вот эта травинка, случайно прилипшая к его сапогу в её доме, пахла точно так же.

Аластэр замер, рассматривая травинку. Потом аккуратно положил её на подоконник, расправил и накрыл носовым

платком, чтобы не сдуло ветром.

— С ума схожу, — констатировал он вслух. — Сохраняю мятные травинки как сокровище. Дальше — больше. Начну коллекционировать её бинты.

— Ваше сиятельство, вы что-то сказали? — в дверях снова появилась Милли.

— Нет, Милли. Всё в порядке. Иду.

Ванна немного расслабила, но мысли о Лилиане никуда не делись. Аластэр лежал в горячей воде, закрыв глаза, и представлял, как она сидит у себя в доме, перебирает травы, разливает настойки... Интересно, о чём она думает? Интересно, вспоминает ли его?

— Дурак, — сказал он себе. — С чего бы ей тебя вспоминать? Пациентов у неё много. Ты просто очередной граф с дырой в голове. Полечила — и забыла.

Но где-то в глубине души теплилась надежда, что не забыла. Что та улыбка, тот смех, когда Тэд кричал про ножницы, были не просто так.

После ванны он спустился в столовую. Ужин был подан с обычной роскошью: фаршированные перепела, заливное из рыбы, свежие овощи, тонкое вино. Аластэр поковырял вилок в тарелке и отодвинул её.

— Не нравится, ваше сиятельство? — встревожился Брамс, наблюдавшей за трапезой с почти отеческой заботой. — Может, позвать повара? Приготовить что-то другое?

— Всё замечательно, Брамс. Я просто не голоден.

— Но вы почти ничего не ели! А у вас рана! Вам нужно восстанавливать силы!

— Брамс, — Аластэр посмотрел на дворецкого долгим взглядом, — скажи мне, ты когда-нибудь влюблялся?

Брамс поперхнулся воздухом.

— Ваше сиятельство? — переспросил он, решив, что ослышался.

— Влюблялся, спрашиваю. Так, чтобы не мог есть, не мог спать, только и думал о человеке?

Брамс помолчал, собираясь с мыслями.

— Ваше сиятельство, — сказал он наконец с достоинством, — я нахожусь на службе у вашей семьи уже сорок лет. За это время я видел многое. Но вопросы о моей личной жизни мне ещё никто не задавал.

— Прости, — Аластэр усмехнулся. — Не отвечай, если не хочешь. Я просто... задумался.

— Если позволите, ваше сиятельство, — осторожно начал Брамс, — вы говорите так, будто встретили кого-то. Эту... деревенскую лекарку, которая вас лечила?

Аластэр промолчал, но его лицо сказало всё.

— Понимаю, — кивнул Брамс. — Что ж, ваше сиятельство, я в таких делах не советчик. Но одно могу сказать: если это чувство настоящее, оно никуда не денется. И есть захочется само собой, когда пройдёт первый шок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.